

невозвратного

16+

Сергей Огольцов
Обратный путь из невозвратного

В оформлении обложки использована фотография с https://wallup.net/road-mountain-desert-clouds-warm-colors-landscape-nevada-valley-of-fire-state-park-usa-nature-shadow-rock-rock-formation/ по лицензии CC0

Глава первая

Мать моя переспросила ещё раз:

– Так двести гривен точно хватит?

И пришлось рассказывать опять, что в авиакассе на ЖД вокзале мне сказали, что у них в продаже билеты лишь на рейсы из московских аэропортов, а потом, по моей просьбе, посмотрели в своих расписаниях цену билета на самолет Киев–Ереван и вычитали: «150 гривен».

– Может долларов?– подотошничал я.

По ту сторону прозрачной стенки авиакассы удивились на мою бестолковость и повторили: «гривен!».

Радостное облегчение—хватит!—распрямило мою вопрошающую позу, я умиленно бормотнул благодарное слово, и зашагал прочь, раздавив триумфальным шагом ненужного червячка сомнения, что шевельнулся было в уголке сознания: как же оно так получается?

Выходит билет из Киева в Ереван чуть ли не вдвое дешевле, чем оттуда сюда?

Приехать из Степанакерта в Конотоп тоже было непросто – на 12 тыс. драм отпускных, которые выдал мне госуниверситет на всё про всё до 1-го октября, не слишком-то распутешествуешься.

А не поехать нельзя – истекал 10-летний срок, обусловленный для работы с книгами, которые мне дал Учитель. Их нужно было обязательно вернуть, но особого доверия к пост-перестроечной почте я не испытывал.

Письма, правда, доходят.

Мать по весне писала, что от рака и хирургического вмешательства умер мой друг Владя, с которым мы сидели за одной партой, изрезанной нашими надписями: BEATLES, ROLLING STONES, вместе поступили на завод и сообща стучали слесарными молотками

в его ремонтном цеху, совместно грохотали электрогитарами в группе ОРФЕИ на танцплощадке заводского парка.

Его я тоже не видел десять лет и уже никогда…

Потом мысли перетекали на родителей, которые уже не первый год пенсионеры.

И, среди всего прочего, старшая из моих внучек, от первого брака, осенью пойдёт первый раз в первый класс, а я с их поколением даже и по фотографиям не знаком, хотя может и видел, да забыл.

Что толку от незнакомого фото неизвестного тебе ребенка? Стоит перевернуть и уже черты лица не вспомнишь.

Вот так всё вместе: книги, внуки, родители, друзья – живые и мертвые, 10 лет отсутствия, да и мало ли что ещё – нагромаздилось в достаточно вескую причину, чтоб съездить на прощальную побывку-встречу с Украиной.

На 12 тыс. драм? С женой и тремя детьми?

Сатэник понимала, что мне действительно надо поехать. Вынула из ушей сережки, приложила свой любимый перстенек и отнесла в ломбард.

Бачьянагы (так в Карабахе именуют свояков) тоже помогли деньгами, вобщем, как-то собралось на дорогу в один конец…

…Словно и не было этих десяти лет: где-то войны прошли, наводнения, землетрясения; круто перекраивалась карта мира, а тут, в провинциальной тиши и глухомани, все как и было.

Вот только вроде съежилось всё оно как-то: улицы, что ли, поуже стали? Или дома вросли поглубже в землю?

Ах, вот оно что! Наверно, все дело в деревьях, вон как вымахали, разрослись вширь и вверх, а все недвижимое, там внизу, измельчало до размера игрушек покинутых в детской песочнице.

Нет, не войти в одну и ту же реку дважды. Надо быть постоянной ее частицей, влечься течением ее вод, чтоб она тебе казалась всегда одной и той же, неизменной…

Стиснутые деревьями улицы стали тенистее – игрушечней, а машин прибавилось.

Всё сплошь подержанные иномарки – они дешевле отечественных, но стоит им проехать мимо, унося утробное буханье динамиков в своём салоне, и вновь всплывает звук неспешного поскрипыванья педалей велосипеда – он тут незаменимый транспорт для любого возраста и пола.

Самая нужная в хозяйстве техника о двух колёсах: и в гости на нём, и на работу, или мешок картошки с базара привезти…

Друзья опознаются мгновенно – их различаешь несмотря на нежданную сетку морщин и небывалую прежде встревоженность взгляда, которая метит людей понявших, что в жизни, вобщем-то, ждать больше нечего – впереди только лишь повторения того, что уже было, а потом и того не станет…

Но уже в следующий после опознанья миг они превращаются в себя прежних – хлопцы, что надо, своя блатва и хиппари; ну, а эта новая поросль с крутыми прическами из обритых под корень волос ничего в них, небось, и не видит, кроме морщин да увильчивых глаз.

Сестра, конечно ж, пригласила в село за городом – погордиться почти готовым дачным домиком – осталось только изнутри покрасить. Или, может, оклеят обоями – пока что не решено.

Мужу ее некогда: прорабствует в Москве, строит дачи тамошним "крутым", доллары зарабатывает; а сыновьям-школьникам пока что слова не давали на столь животрепещущую тему.

И у брата свои достижения: во дворе хаты колодец выкопал, электронасос поставил; кнопку нажал и – нажурчивает сколько надо: свеженькая, своя.

Город газифицируется, так он подвел, за подключение – 400 гривен; старшая дочь десятый закончила, а тут и трехкомнатная по

заводской очереди подоспела.

Родители тоже в полном порядке. На газ, правда, не размахнулись, но двор между домом и кирпичным сараем зацементирован, как и дорожка, уводящая в глубь сада, к утепленному туалету.

В огороде дружно попискивает хлопотливый выводок цыплят, под скамеечкой возле яблони дремлет щенок, раскормленный до шарообразности. Валяйся, валяйся, лодырь, вот заявятся девчата в гости – они тебе покоя не дадут!.

Внучки мои в полном восторге, что у них ещё один дед появился, и даже с бородой.

Только непонятно, почему он их первого деда—бритого—называет папой, а их мама этому, новому, деду тоже “папа” говорит, а не “дед”, как первому – поди разбери этих взрослых.

А бабка и дед, который новому деду папа, зовут его по имени, как мама ихнего папу.

Ну, их совсем!

– Эй, дед! Иди меня на качели покачай!

У моей сестры всё та же деловая хватка:

– Ну, а как ты, родимый, назад добираться будешь?

– Я, по пути сюда, в Киеве в одну армяно-украинскую газету зашёл. Сдал им перевод поэмы Исаакяна "Абу-Лала Магари" называется.

– А оно им надо?

– Ну, чтоб братство народов развивать. Неплохая поэма. Вобщем, сказал, что меняю перевод на обратный билет до Еревана.

– И что они в той газете – такие дураки?

– Да, нет, конечно. Редактор—Женя Церунян—вполне даже умная женщина. Мы около часу разговаривали и не скучно было.

– Так что тебе эта умная женщина пообещала?

– А ничего. Говорит: будем спонсора искать, позвони 25-го числа, часов в одиннадцать.

– А если спонсора не будет?

Пожимаю плечами:

– Тогда до Северного Кавказа на электричках, а дальше – автостопом. Но ещё могу пешком. Хорошо бы гитару достать, чтоб на харчи подрабатывать.

– У тебя что – шиза гуляет? Да ты в зеркало глянь, на свою видуху. С твоей бородой и твоим лысым черепом тебя же на второй день повяжут. Террорист недоделаный.

– Никакой он не лысый. Просто у меня прическа короткая.

– Не переживай, повяжут и ещё укоротят. А бороду лучше сам сбрей. Добровольно.

– Не могу. У меня пари с бачьянагом. Он говорил, что с такой бородой я и до Киева не доберусь; а я обязался привезти ее обратно в сохранности.

– Бачьянаг – что ещё такое?

– Муж сестры жены. По-карабахски.

– Да как тебя только жена терпит? Бомжа несчастного. Бедная Сатэник!.

Вобщем-то, в речах сестры имелся свой резон.

В один из вечеров, в подземном переходе у ЖД вокзала меня остановил вооруженый дубинкой сержант милиции и начал требовать документы. И это в старой доброй провинциальной глуши и захолустьи!

У, как повеяло вдруг в том переходе “сафоновщиной” с её комендантским часом и людоловными патрулями на улицах Степанакерта!

Документов при мне не было и сержант спросил про место работы.

– Преподаватель кафедры иностранных языков Арцахского госуниверситета! А вы чьих будете?

Бдительный страж оказался смекалистым, прикинул, что вряд ли бы бомж смог выговорить такие слова как "кафедра", или "госуниверситет" и, на всякий, решил не связываться.

Так оно и шло...

Я съездил в Нежин. Собеседовал с Учителем.

В соседнем районе, посетил казацкое село Курень.

Повалялся денек на загородном речном пляже, куда двадцать минут езды электричкой.

Сходил в парную баню, о которой не раз мечтал в предыдущие десять лет.

И все прощался, прощался, прощался.

И с бесподобными березами рощи, через которую вьется тропа к реке Сейм.

Не повторится...

И с тихими улочками, где в тенистой зелени листвы дозревают сквозь дрему бордовые вишни. Не повторятся...

И с песчаными грядками сестриной дачи.

И с незнакомой малышней в старом парке, который тоже не повторится.

И с запертыми цехами впавшего в ко́му завода; не повторится то, что было, никогда...

Не знаю, понял ли я сам, зачем мне так нужна была эта поездка. Может быть, проститься с самим собой? Или может...

Не знаю.

Программа визита была уже исчерпана, пожалуй.

Даже Владю я повидал, друга юности умершего от рака с хирургическим вмешательством.

Мне прокрутили видеозапись его сольного концерта, сделанную на городской телестудии.

Говорят, передача понравилась зрителям, особенно из того поколения, что ходили на танцплощадки к ОРФЕЯМ. Так что, повидал

я его живого.

Располнел. Дорогие часы на запястьи. Все песни исключительно на украинском языке.

Но это глазами нынешних, а я видел того, другого.

Я видел Владю, хоть на видеозаписи между номерами всплывало: "Співає Володимир Сакун"...

25-го я позвонил в Киев Жене Церунян, она сказала, что спонсора найти не удалось и попросила передать привет нашему общему знакомому Владимиру Акопяну, когда вернусь в Степанакерт.

Я поблагодарил ее за участие, а перевод "Абу-Лалы" попросил оставить в дар редакции – для развития братства между народами.

Потом родственники мои собрали 300 гривен (клянусь, не повторится такое никогда!), и я, наведши справки в авиакассе на ЖД вокзале, сказал, что на дорогу хватит и двухсот.

И тогда мать моя переспросила: точно ли что хватит?

Глава вторая

Первая электричка на Киев отправляется в пять утра, а туда прибывает в девять. Но это завтра, а пока что дочь укладывает гостинцы для дальних закавказских родственников в мою дорожную сумку и дает мне всякие умные наставления: как нужно вести себя в жизни.

Я согласно на всё киваю: пусть почувствует себя знающей женщиной.

Потом звучит главный вопрос:

– Теперь у тебя там другая семья. Дети. А меня ты любил как свою дочку?

– Почему «любил»? И теперь люблю.

– Так же как их?

– Нет, конечно. Маленьких любишь другой любовью: за то, что маленькие, что несмышлёныши, что им нужна твоя защита. Ты из такой любви уже выросла. Вон какая хозяюшка. Я тебя за внучек люблю.

– Ну, а как дочку ты меня любил?

– Да. Просто говорить об этом как-то не получалось, но ты вспомни: я никогда не уезжал, не повидавшись. Перед отъездом в Одессу полдня потратил, помнишь заявился в твой пионерлагерь с велосипедом? А перед Баку целый день ушел, на дизель-поезде в областной центр—в твоё швейное училище—и обратно.

– Дядька правду говорит, что ты уже больше не приедешь?

– Да.

– Никогда-никогда?

В голосе слезы, влага в глазах. Пора менять тему:

– А с тёткой у тебя как?

– А никак. Она и здороваться не изволит. В трамвае один раз даже отвернулась. И муж её мог бы дать моему работу в Москве. Отсюда много ребят ездят, там можно в день 20 долларов заработать.

– Не может её муж дать твоему работу возле себя.

– Почему это?

– У него там своя жизнь и лишние свидетели—которые потом сюда вернуться—ему ни к чему. Ну, а тётка тебе просто завидует.

– Чему завидовать? Что без работы сижу? Еле-еле на мужнину зарплату тянем.

– Дом у неё в коврах, это верно, и в гараже свекрови французская иномарка стоит, которую муж из Москвы пригнал. Только они беднее вас.

– Чем это?

– Молодостью.

В глазах её взблескивает огонек гордости. Ведь и вправду – владелица несметного богатства; на ближайшие десять лет.

– А с тёткой ты помирись.

– Не захочет она.

– Ещё как захочет. Всякая женщина мечтает иметь дочку, а у неё только сыновья.

– А в трамвае тогда отвернулась.

– Это когда было?

– Не помню. Зимой. В феврале, кажется.

– Значит просто не увидала. В феврале ей, знаешь, как трудно было? Муж в Москве, свекровь в больнице, а тут в один день и свёкор умер и Владя.

– А Владя тут причём?

– Ну... он любовником её был.

– Владя?!. А муж?!

– Так это ещё до мужа... Первым.

Тогда сестра моя молодостью была богаче, чем моя дочь сейчас.

В одну и ту же реку нельзя войти...

Чепуха. Всё наоборот. Из реки этой выходить нельзя.

Потом я провожаю дочь к ней домой и одолживаюсь их велосипедом, чтоб утром довезти свой багаж от родительского дома до их дворика, откуда до ЖД вокзала рукой подать.

Вернувшись, я застаю ещё два велосипеда приткнутые у калитки дома родителей.

Мой брат и ещё один давний друг пришли попрощаться.

Друг всё порывался сгонять за самогонкой, но обошлись просто долгим разговором на троих, к которому присоединился мой отец.

Тематика, почему-то, была всё больше военной.

Брат вспоминал два года крутой службы на пусковых площадках Байканура.

Друг про то, как один раз на учениях он уполз с поста, лакомясь ягодами стелющейся ежевики.

Так и переползал от кусточка к кусточку, пока не уткнулся в чёрные офицерские сапоги стоящего над ним командира роты.

Отец мой подпустил морской романтики.

Как он получил увольнение на берег, но загулялся и опоздал к последнему катеру.

А утром их минный тральщик уходил в поход – расчищать Чёрное море от наставленных там немецких и советских мин.

И вот, чтоб не оказаться в дезертирах, он на рассвете привязал ремнём одежду к голове и поплыл вольным стилем к своему стоящему на рейде кораблю.

Но капитан его приметил и приказал убрать штормтрап, да чтоб на палубе никто не торчал.

Так что отцу пришлось ещё несколько раз обплыть вокруг тральщика, осторожно выкрикивая имена товарищей.

Потом ему сбросили верёвку и – когда он вскарабкался – вся команда стояла навытяжку, вместе с капитаном, как будто для встречи адмирала флота.

А у адмирала штаны и ботинки – на голове…

Потом на крыльцо вышла мать и прекратила собрание, сказав, что завтра мне рано подыматься.

Мы втроём вышли в густую и тихую украинскую ночь на неосвещённой окраинной улочке, под яркую россыпь звёзд, влажно помигивающих в чернильной темени неба в просветах между садовой листвой поверх дощатых заборов.

Друг стиснул мне руку, ещё раз сказал: "Не верю!" и – укатил в темноту, тревожа мирную дрёму собак на три переулка в округе лихими казацкими гиками вперемешку с обрывками рок-н-рольных припевов.

Брата я ещё проводил немного. Одну руку он держал на холке велосипеда, что шёл рядом послушно и молча, лишь слегка пошелестывал шинами по шлаку покрытия.

Молчали и мы. Потом мне вдруг вспомнилась нездешняя – северная – ночь.

Свет ламп над пустынной дорогой.

Неподвижный уезженный снег непрерывно искрился в конусах фонарного света, затухая лишь там, где его покрывала тень двух шагающих пацанят в круглых меховых шапочках, с поднятыми воротниками пальто.

– Да,– сказал мой брат,– я помню. На атомном объекте. Ты в библиотеку пошёл, и я тоже увязался.

Тень, что малость повыше, охватила сопутствующую за плечо и я сказал:

– Ты, брат, знай, если кто тебя обидеть захочет или, вообще, чуть что, так ты мне скажи – я тебя защищать буду. Всегда.

– Да,– повторил мой брат,– и это помню.

– Ну, в последние десять лет помощи от меня не ахти сколько было, а? А теперь вот и вовсе беру свое слово обратно. Дальше сам на себя полагайся. Уж ты прости, брат. Прощай.

Мы обнялись.

– Прощай, брат,– выговорил он сдавленным голосом и, додушивая всхлип, почти выкрикнул:

– Ты только им не поддавайся.

Лёгкое дребезжание велосипедного щитка стихло за углом.

Я взглянул на звёзды. Искрятся.

Каких таких "их" он имел ввиду? Наверно, он и сам не знает; просто так вырвалось.

"Они" – как воплощение всего, что против нас в этой жизни. Как та свора молодого хулиганья, от которых мы отбивались вдвоём на танцплощадке.

Или те байканурские "деды", от которых он отбивался в одиночку.

Они – те, кто пустил под откос—в немыслимую круговерть—такую прежде размеренную и понятную жизнь: от одного съезда КПСС до следующего, из пятилетки в пятилетку.

Те – кто остановил заводы, кто сделал из провинциального города питомник для выращивания киллеров для Москвы и Санкт-Петербурга.

Или, может, это он про те самые реки, в которые нельзя войти и выйти невозможно?..

Не знаю. И никто не знает. Даже те вон, что там искрятся.

И, вообще, мать права – завтра рано вставать.

– Один билет до Еревана, пожалуйста.

– На сегодняшний рейс или в субботу?

– Сегодня.

Кассирша авиакасс «Полёт»—что через площадь от столичного универмага «Украина»—дама княжеского сложения, увитая массивными украшениями из маслянисто взблескивающего золота, поиграла на клавиатуре компьютера.

– Места есть. Ваш паспорт, пожалуйста.

С лёгким трепетом протягиваю свою краснокожую книжицу гражданина СССР, где утверждается мое НКРское подданство. Ничего, сошло, кажется.

Княгиня впечатала мои данные и вынула готовый билет.

Внутри меня звенит и ширится победный запев фанфар.

– 289 гривен, пожалуйста.

Это мне?

Бздынь!.. и осеклись фанфары.

Единственое, что я сейчас способен произнести:

– Мне… говорили… 150!

– 150 долларов – 289 гривен,– корректно поясняет она.

– Мне говорили 150 гривен,– заторможенно повторяю я.

– Так, вы не готовы?

– Нет,– сознаюсь я и отбредаю от стойки.

Билет аннулируется.

В просторном зале авиакасс «Полёт» кроме меня всего только два посетителя.

Недоуменно поглядывают, чего-то они не уловили в этой сцене.

Обычно это не так делается.

Что тут неясного? Не готов я к этому билету с моими двумястами гривен и четырьмя тысячами драм, оставшимися от дороги сюда.

Ещё как не готов…

Добредши до своей дорожной сумки и целлофанового "тормозка" с едой на дорогу, я достал из кармана платок – промакнуть свой полулысый череп и опустился в мягкое кресло, спиной к улице, которая вся куда-то спешит и торопится за прозрачной стеной фасада авиакасс «Полёт».

А мне спешить некуда.

Я сижу и готовлюсь.

Тут есть над чем призадуматься…

Глава третья

Ясно одно – обратного пути в Конотоп для меня нет.

После всех тех сентиментальных излияний в стиле индийского кино —"ах, да навсегда!", "ох, да никогда!"—заявиться вечерней электричкой и выклянчивать дополнительные сто гривен – дешёвая безвкусица.

Так что единственно возможное теперь направление – только вперёд; вот если б ещё разобраться где он, этот самый перед.

Но—прежде, чем тронуться—что ещё можно выжать на старте?

Подкатиться к госпоже Жене Церунян?

Она уже сделала всё что могла для моей поддержки – выразила ободряющую уверенность, что я смогу-таки добраться до Степанакерта и передать её привет господину Володе Акопяну. Спасибо ей – нас окрыляет вера в нас.

Остается ещё один киевский друг, но его НИИ высокомолекулярных соединений в полном составе распущен в летние отпуска.

Правда, в ходе моего визите в село Курень мать его говорила, что он со дня на день должен вернуться с Азовского моря вместе со своей семьёй.

Ожидать финансовой поддержки от вчерашнего отпускника – шанс весьма дохленький, но тоже шанс. Позвонить, что ли?

И тут сам себе говорю я: тпру!

Не ты ли собирался добираться "зайцем" в электропоездах, побираясь, как бременский музыкант?

А теперь, имея целое состояние—200 гривен!—опустил уши и проджал хвост?

Отказаться от неизведанного странствия, отвернуться от приключения и вымаливать недостающие 89 гривен, чтоб тебя за

полтора часа вжикнули по небесам из Киева в Ереван в закупоренном термосе?

А ну, встать, растудыт твою в кочерыжку! Вперед, каналья!

И я уже знаю где он, тот самый перёд. Это подземная камера хранения в переходе под ЖД вокзалом, куда надо сдать мою сумку и "тормозок".

Туда-то я их и тащу, потому что в начале всякого предприятия самое главное – свобода рук и спины. Вот сдам поклажу и – стану готов.

Ни один из парижских вокзалов не сравниться с Вокзалом Поездов Дальнего Следования в городе Киеве, что глубоко и всячески впечатляет размахом своей архитектуры, особенно внутри своей центральной части.

Словно выпотрошенный небоскреб – чтоб разглядеть потолок, голова должна быть задрана до упора в свои собственные лопатки, но не всякий решится на подобную позу, тем более в толпе, да к тому же на столь гладко-скользком полу, где копошимся мы, торопливые букашки, в бессвязно броуновском движении на самом дне безмерного пространства центральной полой башни Вокзала Поездов Дальнего Следования.

Направа от входа гигантская **i**, и именно к ней протянулась живая очередь – к окошечку в стекле, с бумажкой объявлением, что такса за 1 вопрос – 8 копеек, и тут же белый кружок тарелки для сбора монет оплаты, после чего получишь бесценую информацию: поезд на Минводы отправляется в 16:20, билеты в любой кассе соседнего зала, а цена плацкартного места 58 гривен. Спасибо!

В кассовом зале 36 касс, и уже через пару минут работница одной из них была проинформирована о моём желании стать обладателем билета на скорый поезд № 74.

С нескрываемым сомнением она оценила мой внешний вид и сухо сообщила, что имеются лишь купейные места – по 75 гривен.

– А мне говорили... плацкартные ... по 58,– начал было я, но и сам почувствовал, что песня моя не нова – где-то мне уже приходилось исполнять такую же.

– Кто говорил, пусть тебе и продает, а я говорю, что в машине написано,– кивнула она на компьютер в своём остеклённом отсеке.

Я соглашаюсь на купейное, а когда из внутреннего кармана жилета негнущейся ткани вынырнула хрустяще белая сотенка, её отношение заметно мягчает – бомж вряд ли б козырнул такой банкнотой, и она почти доброжелательно оформляет мне билет и выдает сдачу.

Не то, чтобы я был фанатом путешествий в плацкартных вагонах, просто лишние 17 гривен это почти 10 долларов, а мне неизвестно почем нынче авиабилеты из МинВод в Ереван.

А впрочем, путь начат и теперь это уже его проблемы – складываться тем или иным образом, а моя задача – не переть против течения, пусть все идет как предначертано.

Почему именно МинВоды? Да потому, что в Карабах сейчас можно попасть только через Армению или Иран. До Ирана у меня гривен не хватит, а в Армению , со времён российско-абхазско-грузинской войны, поезда уже не заходят.

Оставшиеся часа четыре протекли в прощальной прогулке по городу, который неофициально, но по праву, именуется "маленьким Парижем", и который всегда мне нравился, но, увы, без взаимности.

Нырнув в прохладную бездну метро у Пригородного вокзала, я вынырнул уже на Хрещатике – пройтись напоследок.

На широченном тротуаре через каждые метров сто стоят огромные столы с напластованиями литературы в конфетно-красочных обложках, но—Боже!—какое убожество.

На каждом и любом из них встречаешь пару учебников английского, такое же количество пособий для "чайников" стремящихся освоить Windows 3, полдесятка переводных

бестселлеров для домохозяек, а дальше – сплошной частокол из окровавленных ножей и чернодульных пистолетов на сериалах детективного дерьма.

Для любителей серьезного чтения – солидные монографии: "Преступный мир Санкт-Петербурга", "Москва бандитская".

Впрочем, всё по понятиям: кто банкует – тот и заказывает свои портреты…

В художественном салоне близ Майдана я поразился топорной работе и заоблачным ценам выставленных творений. А ведь, небось, и покупают новоиспеченные богачи.

Степанакертские резчики по дереву работают намного превосходней, но пойди попробуй налады транспортировку в эту несомненную нишу сбыта.

С Хрещатика я поднялся к Университету, окунуться в тишь его библиотек, да заодно ознакомиться по атласу с географической обстановкой вокруг этих МинВод, на всякий, если перейду на автостоп, не закатиться чтоб в какой-нибудь Дагестан, или Чечню с Ингушентией.

На карте отыскался Сардахлы, куда наведываются автобусы оптовиков из Степанакерта, но этот центр торговли оказался в Грузии, а караванный путь туда лежит через Армению, так что, как ни крути, стремиться надо в Ереван…

Мимо Владимирского собора я спустился к площади Победы и завернул в Универмаг "Украина," поднакупить подарков:

теще – симпатичную хозяйственную сумку;

Ашоту пластмассовый бензовоз за 21 копейку;

Сатэник и Рузанне – сережки, недорогие—по гривне за пару—но в Закавказьи будут смотреться как экзотика;

Эмме просто заколку для волос.

Никого не забыл?

Вот ещё что! Вряд ли гривны имеют хождение в МинВодах, надо б загодя их конвертировать. На любом этаже Универмага пункты обмена на доллары, но по разным курсам – чем выше этаж, тем больше долларов за гривну.

Тут мне вспомнилось, что в обменной будке на остановке трамвая мелькал более высокий курс: можно выгадать долларов пять.

Я вышел на улицу к той выгодной будке в развилке путей и затеял купецкий разговор:

– А продайте-ка мне долла́ров.

– Мы в обмен даем только мелкие купюры, оттого и курс такой высокий.

– Мелкие, но настоящие?

– Да...– изумленно ответили мне,– Так вам сколько?

– А вот на все.

Вышло 80 долларов и ещё пара гривен осталась – выкупить багаж из камеры хранения.

На этот раз я выхожу к ЖД Вокзалу не в лоб, а справа, от конечного трамвайного кольца, через галерею остеклённого перехода, где густо выстроились торговцы-коробейники и ласковыми голосами зазывают на свои товары:

– А вот кому шоколадочки? Сладенькие шоколадочки!

– Прищепочки покупаем. В хозяйстве нужно и дешево. Кто забыл? Покупаем прищепочки!

В конце перехода – звуки музыки. Под прозрачной стеной двое оркестрантов – аккордеонист и трубач.

Я растроган: ну, удружили, потрафили – провожают меня с духовой музыкой!

Имея в запасе ещё полчаса, опираюсь на стену напротив них.

Между нами текут в противоположных направлениях негустые волны пешеходов, от которых изредка звякают копейки в картонную коробку, водружённую, типа, дирижёр, на табурет перед оркестром.

Понятно, почему не на пол: чтоб добродетелям не приходилось нагибаться.

“Ах, вернисаж, ах, вернисаж…”– чисто и звучно выводит труба,– “Какой портрет, какой пейзаж…”

Это любимая песня моего первого карабахского друга Валё – потомственного завуча сейдишенской средней школы, который обучал меня чтению армянских букв и слогов.

Валё, сын человека сказавшего фразу, что стала крылатой на весь Карабах, где теперь каждый знает Сейдишен – село, в котором говорят:

"Ор ка!.."

Это когда во двор их дома на краю села зашёл прохожий мужик из дальней деревни, удачно зашёл, к обеду, вот только лишнего сболтнул – что идёт в Степанакерт за какой-то справкой с печатью, тут-то он и услышал – “Ор ка!”, в смысле, “Ещё не вечер!” – поспеешь в город до закрытия учереждений.

Ну, и правильно – от Сейдишена до Степанакерта всего-то 25 километров, а у бюрократов рабочий день до шести.

Сейдишенцы на эту свою славу усмехаются малость смущенно, но про себя довольны – ведь это их односельчанин нашел способ спровадить непрошенного гостя под предлогом заботы о его же интересах, так что никакой закон гостеприимства не подкопается. Хе!

Скажут: скуповаты сейдишенцы? А кто без того? Просто не у всякого достанет смелости сказать такое; да и находчивость тоже нужна.

Так что, насчет прижимистости мы все одинаковы. Недаром так по душе пришлась карабахцам эта фраза и живет до сих пор, когда и человека ее произнесшего уже нет.

Нет в живых и Валё, его сына.

Он, когда уже кончилась война, вернее, прекратились активные боевые действия и начались дежурства с перестрелками на постах-заставах, однажды утром вдруг поднялся из окопа и пошёл на минное поле.

Товарищи кричали вслед:

– Валё! Куда?! Там мины!

Но он об этом знал не хуже их и не оборачивался, словно не слышит, а все шёл, продираясь ботинками через гущу нетроганных трав.

Не знаю: зажмурившись или с открытыми глазами, но он всё шёл и шёл, пока не перестал существовать.

Что тут скажешь? Товарищи повторили извечное – "дьявол его позвал".

Мудрость веков выручает, а выносить личное суждение в подобных случаях занятие неблагодарное.

Но одно я могу сказать: что не всякому станет смелости самолично вырваться из течения жизни, сознательно пойти на самое жуткое, потому что никто не знает что – там.

“А я гляжу, гляжу на вас...”– допела труба.

Спасибо, несбывшиеся коллеги, за эти перворазрядные проводы.

Несостоявшийся бременский музыкант отделился от стены напротив, пересёк течение пешеходов и уронил в картонную коробку беззвучную бумажку гривны.

Из потока тут же выплеснулась малорослая девочка-цыганка с младенцем на плече и, потрясеённая нездешней щедростью и непонятным видом донора, не знает что и не каком языке вымолвить, а только загораживает мне путь и тычет пальцем на свою ношу.

Нет уж, кудрявенькая. Лабухи эту деньгу без фальши заработали. А милостыню я не подаю. Так что, не хватай меня за локти, пробуй в другом месте – Ор ка!.

В прохладном подземном лабиринте из неисчислимых камер для хранения багажа, серо-металлическая дверца ячейки щелкает и подается, открывая своё продолговатое нутро с моими вещами.

Передожив "тормозок" в тещину сумку с остальными подарками, я вешаю свою дорожную через плечо и неторопливо продвигаюсь на выход.

Прощай и ты, Киев, "маленький Париж".

Мой путь в "маленькую Шверцарию" – Нагорный Карабах.

Глава четвёртая

Самый трудный момент в человеческой жизни, самое тяжкое время наваливается в результате осуществления его мечты.

“Сбылась моя хрустальная мечта!” – вот что труднее всего пережить.

Достиглась цель, что наполняла смыслом его жизнь, сказка стала былью и – промелькнула, и – нет её.

Она уже в прошлом и больше её не достичь, потому что течение неудержимо тащит тебя дальше, а исполнившаяся мечта остаётся в прошлом, куда нет возврата, потому что в одну и ту же реку...

И ты вешаешь на гвоздик золотую медаль олимпийского чемпиона; ставишь на полку свой ОСКАР за лучшее исполнение; предмет твоего страстного вожделения мирно посапывает на одном с тобой ложе – мечта исполнилась, а жизнь опустела: и не к чему больше стремиться, и некуда больше спешить.

Значит оно и к лучшему, что мне не хватило гривен на самолет и, вместо него, этот вот неторопливый скорый поезд час за часом и день за днем уносит меня от сбывшейся мечты.

Всё сбылось как хотелось, как мечталось все эти годы: сдан урок Учителю, сказаны слова заготовленные в дневных грёзах наяву, услышаны давно предвиденные ответы, всё оказалось на месте, всё как надо, всё как и ожидалось и теперь мне некуда больше спешить.

Я—как вялая рыбина—полууснуло завис на открытом окне в длинном коридоре купейного вагона и погромыхивающее течение скорого поезда несёт меня мимо истомленных зноем полей с плантациями подсолнухов уходящих за горизонт.

(То-то надавят в Турции масла из украинского сырья.)

В вагоне душно. Вдоль коридора, в белых трусиках и взрослых бусах, бегают пара подружек лет шести на двоих, пристают ко

взрослым, строят папуасские рожицы.

Им жара нипочем, а может даже и стимулирует.

Если высунуться за окно подальше, тебя одувает тугая струя встречного ветра, но и он горяч.

Из коридорного динамика над окном всю дорогу крутятся песни—одна и та же тема на разные лады—про тяжкую долю водителя и сложность его отношений с работниками службы ГАИ.

Другой кассеты у проводниц, похоже, нет и когда она заканчивается, приходится слушать снова.

Утомлённый воем про суку-гаишника, я возвращаюсь в купе, где сероглазая казачка Людмила и златоустый снабженец Петр Ефимович мотают нескончаемую пряжу про то, насколько всё благоустроенно и замечательно в объединённой Германии, в которой Людмила уже два года работает на ферме. Хозяева ею довольны и после отпуска она опять туда вернётся.

И Петр Ефимович пару раз заскакивал туда на пару дней, из Калининграда, и остался в полном восторге от дорог и общего уклада жизни порядколюбивых немцев.

Четвертый спутник все больше спит на второй полке, свешивая оттуда голые плети рук в изношенных мускулах.

Ему – в Грозный, где уже всё тихо, но, пока ещё, стреляют.

И снова я вишу в коридоре, колыхаясь мимо закатно-красного солнца и яблок, яблок, яблок – на деревьях вдоль полотна такое их изобилие, что и листвы не видно за этими замершими водопадами яблок от верхушки и до самой земли…

На следующий день въезжаем в сопредельное государство.

Проверка документов и таможенный досмотр российскими пограничниками; вполне корректные и деловитые молодые люди.

В Ростове вагон наполовину опустел, а мне вдруг дошло, что завалявшиеся в карманах украинские копейки—их набралось ровно на гривну—нигде уже, за пределами данного поезда, не получиться

отоварить, и я направился в вагон-ресторан, имея ввиду бутылку кефира из холодильника, но тот оказался дороже наличных монеток.

Тогда я решил действовать через проводниц в своем вагоне и заказать вечером чаю, да к тому же и с сахаром, но они мне объяснили, что с момента отправления из Киеве, как только я заплатил им за постель, мне полагается бесплатный чай, хоть даже и с сахаром.

Приятное открытие в последний вечер путешествия.

В два ночи я сдал постель проводницам и сошел на минводский перрон.

Масса людей сидели под фонарями вокруг вокзала на своих чемоданах и сумках.

Наверное, наслаждались ночной прохладой, а может были напуганы сообщениями об очередном взрыве на одном из северо-кавказских вокзалов, где террористы оставили сумку в зале ожидания, вышли и – сумка рванула с немалым числом жертв…

По пути следования ночного автобуса в аэропорт была ещё одна проверка документов.

У меня сошло гладко, хотя в Степанакерте ходили слухи, будто на этой самой заставе под видом штрафа грабят граждан НКР за паспорт устаревшего образца из времён Советского Союза, когда ты и без него мог свободно доехать из Риги во Владивосток.

Зато патрульный прицепился к какому-то украинцу: куда едешь, да какие-такие родственники, и что ещё за отпуск?

Поди ответь даже на самый простой вопрос в 3 часа ночи, когда экзаменатор тобою явно недоволен и вооружен автоматом Калашникова.

Меры эти, как видно, приняты после взрывов и неоднократных захватов террористами автобусов с мирными пассажирами в минводском аэропорту.

Но вот шлагбаум поднят, автобус останавливается у автовокзала и все мы дружно сходим, но к зданию аэровокзала, по ту сторону площади, бреду только я один.

Когда сквозь стеклянную дверь входа сидевший на своём посту милиционер различил возникающего из предутренней мглы бритоголового бородача с туго набитой сумкой через плечо, его широкие усы встревоженно наёжились.

Опять началась проверка паспорта и распроссы куда путь держим.

Ответ его удовлетворил, и я получил доступ внутрь.

Какая разительная перемена случилась с аэровокзалом по сравнению с ним же конца 80-х!

Теперь тут не наберётся и двух десятком ночлежников, правда, на всё тех же неудобных для спанья скамьях, под которыми, как и прежде, бродят задумчивые коты.

Тихо, сонно, сумрачно…

За аквариумными стенами понемногу начинает светать.

Я отправляюсь в туалет на утренний горшок и для прочего гигиен-ритуала, а по возвращении на меня степным орлом отвязался усаый мент: как я смел оставить свои вещи, они повсюду должны быть при мне!

Бедняга! Чего он только не передумал за эти 10-15 минут, когда бородач куда-то скрылся, а одинокая, угрожающе набитая сумка стоит, вселяя ужас, под пустой скамьёй.

Мало-помалу зал начинает наполняться движением; заходят пассажиры из городских автобусов, звучат объявления на ранние рейсы.

Вот, наконец-то, зажегся свет и сдвинулась занавесочка в кассе № 9, которую арендует какая-то армянской коммерческая авиакомпания.

Компьютер в кассе покуда что отсутствует и все вопросы кассирша решает через свой мобильник; услыхав цену билета, я понял, что всех моих 80 долларов и 4 тыс. драм не хватит, чтобы сегодня же приземлиться в Ереване.

Эту унылую арифметику прервал высокий гибкий парень, обвязанный легким свитером по плечам, по моде парижских свободных художников.

Приблизившись к небольшой очереди пред кассой № 9, он обратился к её участникам с вопросом на армянском языке: нет ли желающих доехать до Еревана за 50 долларов – до Тифлиса он довезет на собственной машине, а оттуда купит билет на автобус Тбилиси-Ереван.

Боясь поверить в шальную удачу, я отхожу с ним в сторонку,чтоб выразить согласие на предложение, которое мне по карману.

Только сначала он захотел посмотреть мой паспорт, потому что на всех границах будут проверять.

Убедившись, что документ в порядке, перевозчик просит подождать ещё часок—не больше—пока он тут походит собрать ещё попутчиков, которые вот-вот прибудут московским рейсом.

Я честно прождал ровно час и ещё пятнадцать минут, покуда понял, что чем-то не понравился водителю и он, на всякий, смылся от греха.

Однако, за время ожидания во мне вызрела четкая идея – добраться до Тбилиси на электричках, а оттуда автобусом в Ереван.

С этой идеей и вышел я на площадь, где—как по заказу!—красуются два междугородних автобуса марки “Икарус”, и у левого за стеклом из них самодельная надпись на картонке: МИНВОДЫ–ЕРЕВАН.

Йа!! Бахтыс перяла! *(Везёт же мне!)*

Тихонько, чтоб не спугнуть везение, я подхожу к автобусу и завожу справочный разговор с шофёром, в лице которого тоже сквозит что-то знакомо-французистое.

(Ах, да! Вспомнил! Это же маска мима Марселя Марсо.)

Да, автобус до Еревана, билет 250 тыс. российскими. Долларами? Ну, по сегодняшнему курсу, наверно, 50 будет. Да, можно мелкими.

И невозмутимо—не в пример его двум переглядывающимся молодым напарникам—шофёр прослеживает как я отсчитываю пятьдесят бумажек по доллару.

Потом он выписывает мне билет № 00, пояснив, что могу занять любое место.

Пройдя вглубь, я забрасываю сумку на широкую полку типа стеллаж привареную из конца в конец автобуса.

Отправление в 15:00, сейчас около 11-ти и впереди замаячила перспектива успешного завершения странствования; меня потянуло на простор – гульнуть по МинВодам.

На подходе к отдельностоящему строению ОБМЕН ВАЛЮТЫ—на полпути между аэро-и автовокзалами—где я вознамерился обменять десять долларов на мелкие предотъездные расходы, мне снова повстречался свободный художник с Монмартра, но свой свитерок он уже одел в рукава и успел обзавестись эскортом из двух дамочек.

Он поясняет мне, что это попутчицы до Тбилиси, а я показываю ему билет № 00.

В погоне за двумя зайчихами упущен один бобер…

Кто сказал что все есть только в Греции? География перевернулась. Загляните на минводский базар.

Я пробираюсь в гудящей толпе, но только по его продуктовым рядам. Моя цель – скупить чем заправиться перед дальней дорогой.

Колбасы? В такую жару? Нет, извините.

Меня манят фрукты, фрукты и только фрукты. Сочные, зрелые, разные.

Сыра? Тоже не откажусь. Но какой сорт выбрать? Ладно, взвесьте ломтик того – из Голландии.

Помидоры. Захотеть или нет? Парочки хватит. Покрупнее.

У продавцов проблемы со сдачей на мои крупные российские купюры из ОБМЕНА ВАЛЮТЫ, но это – их проблемы.

На выходе прикупаю ещё высокую—прохладной голубизны—коробку с молоком местного производства, и мягчайших ватрушек.

Для пиршественой оргии я возвращаюсь в аэропорт и возлегаю—по примеру древних—на лоне газона под густою ивой, метров за десять от армянской шашлычной, возле которой пылает неугасимый огонь в хитроумном мангале.

Он разделен на два отделения: в первом дрова превращаются в угли, угли перегребают кочергой в следущее—над которым шампуры с мясом—а в первое вновь добавляют дров для непрерывности зацикленного производства шашлыка-хороваца.

Ну, а я воздаю дань плодам садов и огородов и вкусному молоку местного разлива.

Ни жар от мангала, ни палящее солнце с небес не достигают меня в этой ивовой сени и я благодушно поглядываю на сверкающий летний день с высоким небом и широкой площадью, где выстроились ряды автомобилей на открытой стоянке под присмотром высокого парня в белой Т-майке и шортах, что марширует туда-сюда с непокрытой обритой головой.

И тут же—кормой к шашлычной—высится темно-вишневый “Икарус”, билет от которого у меня в кармане.

Наконец, мы отправляемся: за широким окном проплывают ряды запаркованых автомобилей с жароустойчивым парнем-маятником; аквариум аэро-и коробка автовокзалов, и нас даже не задерживают для проверки документов на выезде из аэропортной зоны.

Наш автобус, заполненный едва ли наполовину, выбирается на простор открытого шоссе и устремляется прочь от МинВод.

Однако, минут через десять, когда сам город уже кончился, но вдоль обочин ещё тянутся окраинный промузлы, хозяйства,

подсобные производства – водитель останавливает автобус и начинает чего-то ждать.

Жара выжимает пассажиров наружу и мы стоим на обочине, спасаясь в тени автобуса под редкими порывами сухого ветра, а мимо в обе стороны несутся машины, машины, машины – всевозможных видов и назначений.

Водитель поясняет, что основная масса его пассажиров едут в Ереван из Армавира, их пересадка из армавирского автобуса производится на этом неизменном месте; ехать без них он не может – они закупили билеты; остается лишь ждать.

К месту встречи автобусов подкатил синий «жигуль»: кто-то из местных армян, знакомый с системой автобусной циркуляции, привез ещё пассажиров в условное место, и те тоже включаются в процесс ожидания…

А шоссе живет своей стремительной жизнью.

У противоположной обочины затормозила легковушка и высокая женщина в белом выгрузила из багажника широченную глубокую кастрюлю, установила её на колесики и покатила продавать вареную кукурузу рабочим местно-армянской автобазы.

Вернувшись, она приметила наш заторможенный автобус, и перешла через шоссе в надежде сбыть товар нежданным потребителям.

Главный закон торговли: хочешь сбыть товар – сумей расположить к себе потенциальных покупателей.

Законопослушная женщина в белом, с учетом разноплеменности слоёного кавказского региона и, делая скоропалительный вывод из моей короткой прически в сочетании с независимо висячей бородой, решила добиться нашего расположения с первых же слов —самим уже приветствием:

– Салям алейкум!– сказала она.

– Алейкум ассалям,– бездумно поддаваясь давнему рефлексу, откликнулся я.

Но напарник водителя, Самвел – молодой человек с темным, словно вытесанным из базальта лицом, принялся ей выговаривать через узкую прорезь рта:

– Мы – армяне. Христиане. Ты зачем нам "салям" говоришь?

А между прочим, очень даже подходящее приветствие в условиях разноплеменного общения – "салям алейкум" значит "мира вам".

Несмотря на свой изначальный просчёт, женщина в белом смогла-таки распродать часть своей вареной кукурузы, одинаково приемлемой представителями разных этнических групп и верований.

А время шло.

Час.

Полтора.

Вырисовывалась явная нестыковка. И даже бесстрастная маска французского мима Марселя Марсо, на лице старшего водителя, начала выражать обеспокоеность и все чаще закуривала сигареты.

Глава пятая

Самый тягостный вид ожидания, когда неизвестен его срок.

В бессрочном ожидании время утрачивает свой смысл и, практически, останавливается, несмотря на продвижение стрелок по цифрам, что утратили всё свое значение: ведь неизвестно какую из них нужно дождаться.

Так и маялись мы, пассажиры недвижимого автобуса, на обочине, в зоне застывшего времени.

Роль «бога из машины» исполнил двухметроворостый здоровила, сошедший с попутки и встреченый возбужденными возгласами всех наших трёх водителей.

Заливаясь младенчески радостным смехом во весь свой свободный от передних зубов рот, новоприбывший сообщил, что у его автобуса лопнули "ерку покрышка" за 20 километров по ту сторону от МинВод.

Решение было принято мгновенно: все пассажиры и Самвел остаются ждать дальше, а взревевший мотором автобус круто разворачивается и уходит за недоехавшей партией, увозя незаглушимое хохотанье беззубого гиганта.

И снова тянется ожидание: но уже облегченное вычислениями (...пока доедут туда, выгрузят вещи с того: погрузят на этот...) и скрашенное выглядыванием в ту сторону шоссе, откуда должен показаться наш автобус.

Он приехал в начавших сгущаться сумерках, с новыми людьми и заметно разросшимся багажом на полках и на площадке перед задней дверью.

Освобожденные от ожидания пассажиры отыскивают свои места, а я, с моим нулевым билетом, занимаю какое осталось.

Самвел и Дживан заносят сумки из багажника синего «жигуля» под присмотром коренастого крепыша лет за сорок в спортивно-

тренировочном костюме, а при нём девицы годам к двадцати в легком черно-белом платьи с разрезами до пола, с неприступно суровым лицом, как у той царицы, или, может, богини на армянских денежных знаках достоинством в 5000 драм.

Они прощаются с провожающими из «жигуля», и крепыш подходит ко мне с разъяснением, что места 14 и 15 (на одном из которых я уселся) – это их.

Безропотно перехожу на 21-е.

Автобус бодро мчит вперед.

Местность за окнами становится все более холмистой. Хорошо!

Хорошо стремительно пролетать мимо и между круглящихся бугров, рощиц, сел, белеющих сквозь сумерки кубиками домов с желтыми квадратиками засветившихся окон…

Стоп!. Зачем?.

У дороги светящаяся ламповым светом будка ГАИ, из неё атаманистый милиционер призывно манит водителя.

Дживан выходит на переговоры. Через минуту возвращается за автоаптечкой; ещё через две-три приносит ее обратно.

– Ну?– с живым интересом вопрошают остальные водители.

– Говорит: клея нет.

– Ва!

У всех последущих постов ГАИ различных стран того же региона процедура повторялась намного короче: автобус останавливался, Самвел или Дживан сбегали в открывающуюся дверь с маршрутным листком в руках и стопкой банкнот в нагрудном кармане.

Они торопливо возвращались, а старший водитель раскрывал ученическую тетрадь и в разных местах одной и той же страницы выводил многонольные цифры выданной мзды.

Однажды, на мои расспросы, он поделился:

– За одну поездку, бывает, так вот раздаем до 5 миллионов российскими.

– А в Армении ГАИ так же грабит?

Марсель отмолчался.

За окнами окончательно стемнело.

В пещерную мглу автобуса изливалось лишь дремотное мерцание от приборной доски водителя да пары тусклых лампочек-плошек над штольней прохода между сиденьями, а ещё—время от времени—хлестал по стеклам скачущий свет фар встречных автомобилей.

На границе не то Кабарды, не то Балкарии, автобус заправился из баков гостеприимного поста российских войск.

Молодой лейтенант рад был видеть старых знакомых, чьи имена он и не знал, да забыл.

Пока водитель отошел с лейтенантом обсудить текущие вопросы экономического сотрудничества, я разглядел перед шлагбаумом пару рядовых срочной службы и «дембеля» в солдатском бушлате без знаков различия, который держал за шиворот тщедушного мужика в гражданской одежде.

Когда мы отъезжали, мужик вдруг рванулся и вскочил на ступеньку автобуса, но был сдернут оттуда детиной в бушлате, ласково приговаривающим:

– Ну, куда? Куда, Федот Иваныч?

(Вот и все. Нет у меня никаких пояснений, ни комментариев к эпизоду с бессловесным мужиком, обеспамятевшим от животного ужаса, что застыл в его выпученных глазах, и с ражим молодцем, потешающимся игрой в кошки-мышки.)

Я уснул, сидя в кресле, и проснулся на границе между Северной и Южной Осетией. Здесь проверяли всерьез. Собрали паспорта и понесли к себе на компьютер.

За окном слышалось бушевание ветра.

Я спустился в открытую дверь. И впрямь обвевает ночной горный бриз, но с чего этот неумолчный штормовой шум?

Потом догадался: внизу, за домиками поста, шумно скатывается невидимая в ночи река.

По другую сторону шоссе – крутая стена скал и бетонные колонны непонятной в темноте эстакады.

Пограничник с автоматом предупреждает не отходить от автобуса.

У меня возник вопрос к нему: где тут туалет?

Он кивнул на классическую будку отхожего места за оградой, отделяющей пост от шоссе:

– Вон – у таможенников.

Поблагодарив, я направился к ней, однако, сваренная из труб калитка в ограде не подается.

Когда, вскарабкавшись наверх, я балансирую на верхних трубах, от домика таможни несутся вопли с матюками и, вдогонку, хлопок пистолетного выстрела.

Я спрыгнул обратно, откуда влезал.

(Сосунок недоношеный с твоим пугачем-пукалкой! Не слыхал ты как ГРАДЫ пуляют.)

Возвращаюсь к пограничнику с почти тем же вопросом:

– А другого туалета тут нет?

Он лишь молча качает головой, держа меня под прицелом внимательных глаз.

Пришлось отправиться в классическое дорожное место—за корму автобуса—излить свое разочарование неудовлетворительным устройством мира, в котором, скрывшись от глаз попутчиков, оказываешься на виду у «жигулей», что дожидается когда их пропустят в Северную Осетию.

Ночь проходила и сменялась утром. Пассажиры засыпали и просыпались. Водители сменяли друг друга и только автобус все бежал и бежал скакуном-мустангом по дорогам Грузии, покуда не взовьется—с интервалом в 30-40 минут—лассо милицейского

свистка, сбивая автобус с темпа и вызывая хор рефлективного "Ва!" пассажиров.

Грузия.

Мекка российских столпов прекрасной словесности.

Побудут, вдохновятся, воспоют.

Пушкин, Толстой, Булгаков – много ли б они натворили не посетив Кавказ?

От Лермонтова б вообще ничего не осталось, кроме поэтического вранья про "свинец в груди поэта"; тогда как Александру Сергеевичу, на спровоцированной им самим дуэли, пуля угодила гораздо ниже – в пах.

А мне Грузия привиделась сухопарой женщиной в черном, с непрощаюшей печалью в глазах, а по плечам—вместо шали—кусок подраной мешковины, что была привязана, как навес, на одном из промелькнувших придорожных базаров.

"Раздираемая гражданской войной Грузия..." Хорошо, что это уже позади.

Промелькнул и Тбилиси с его нескончаемой Курой в асфальтных берегах и пыльным памятником на пыльных скалах.

Пошли поля на округлых склонах; ряды деревьев по сторонам шоссе.

Обед у придорожного павильона—зеленого строительного вагончика—под деревом зеленым, у родника струящегося из железной трубы в ёмкость для водопоя, с зеленоватой склизью на бетонных стенках.

Автобус взбирался все выше, где совсем уже перестали попадаться мустангеры из ГАИ, а по ущелью сбегала навстречу торопливая шумная речка, в деревнях смуглые пацаны с англо-надписями на Т-майках бросались перенять автобус и что-то

кричали, размахивая пучками деликатесных лесных трав для продажи пассажирам.

Автобус профыркивал мимо.

Чувствовалось, что совсем недалеко.

О, армянская земля, ты уже за горой!

Старший водитель на радостях взрезал купленую утром при дороге дыню, предложил и мне ломоть.

Я хоть и хотел, но отказался: их вон трое, а дыня одна.

Дживан и Самвел затеяли баловаться и обливать друг друга водой на площадке перед выходом, под хохот и советы пассажиров-зрителей.

Полная эйфория.

Не рано ли?.

Автобус въехал в пограничное грузинское село Гугути и стих перед одноэтажным бараком таможни в когда-то зелёной, но выгоревшей, краске.

Глава шестая

Как видно, невзлюбил меня базальто-лицый водитель Самвел за тот мой не-христианский "салям" в МинВодах.

Потому-то и придирался, что слишком много расхаживаю по проходу, и не позволял стоять на ступеньках переднего выхода, откуда удобней было смотреть на летящее под автобус шоссе и читать дорожные знаки, неуступчиво сидел на кресле запасного водителя, хоть мог бы пойти вздремнуть на местах высвободившихся после Тбилиси.

Вот и теперь, когда на крыльцо гугутинской таможни важно выступили двое пузатых увальней в мешковатой серой униформе без погон, он резко послал меня на мое место, чтоб не мешался тут.

Они взошли в автобус и двинулись по проходу, непонятно поглядывая глазами неразборчиво блеклого цвета.

Взяли паспорта у нескольких пассажиров, выборочно, непонятно чем руководствуясь, и вышли, приказав избранным заходить к ним в таможню с вещами, а остальные пусть ждут своей очереди.

Всполошились не только избранные; перспектива таскания туда-сюда всего багажа с широченных полок-стеллажей, а также из той баррикады в конце автобуса, составленной из телевизора, молочно-фермерских фляг и груды прочих ящиков – казалась дикой, немыслимой измученному жарой мозгу.

Я вышел наружу, несмотря на оклик Самвела, что покидать автобус не велено, и сел в узкую тень под зеленой стеной таможни.

Наш старший водитель зашел туда и вышел обратно, неопределенно пожимая плечами.

Владельцы отобранных паспортов, ропща, но повинуясь, понесли некоторые из своих сумок через дощатое крыльцо в распахнутую дверь таможни.

По ту сторону дороги пылились пара-другая железных будок с пирамидами из пестрых жестянок всякой-колы и консервированого пива на узких железных прилавках под открытым солнцем.

Сразу за будками круто устремлялась вверх, до середины неба, поросшая травой гора, за которую уходила—обогнув подножие—дорога в Армению.

Подъехали ещё два автобуса, порядком изношенные, сообщением на Спитак и Ленинакан.

Один из пузачей-таможенников вышел и наскоро пропустил их без проверки.

Мне вдруг услышался осторожный стук над моей головой. За стеклом окна – та молодая девушка с лицом неумолимой денежной богини, или царицы достоинством в 5000 драм.

– Позовите папу,– негромко и отчетливо сказала она мне.

В ту же минуту на крыльцо вышел второй таможенник и зычно прокричал:

– Эльза!

В одной из железных будок открылась дверь, и показалась невысокая округлая женщина, про что-то ещё договаривая с подругой продавщицей, потом легко и бодро побежала на зов через дорогу.

Я зашел в автобус.

Крепыш с 14-го места, в спортивно-тренировочных штанах и белой майке с узкими лямками, стоял возле водителя, затягиваясь сигаретой.

– *Ахчыкыд канчум а*,– сказал я ему.

Он побежал к таможне.

Я тоже вышел следом – вернуться в насиженную тень.

Пухленькая Эльза, перегнувшись за перила крыльца, ополаскивала свои руки водой из стакана…

Спустя минут десять мы снова ехали.

Девушка с 15-го места с неприступной суровостью смотрела за окно, а её папа стоял перед лобовым стеклом и, отирая пот с круглой короткой шеи, рассказывал об изъятии у него на таможне 20 тыс. долларов.

Водители сочувственно цыкали.

– Надо было самолетом,– запоздало советовали пассажиры с передних мест.

Задние пересказывали друг другу подробности.

– Он мне сказал: дай три тысячи и бумагу писать не будем. Но я дал только две,– прихвастнул он, оглядываясь на сурово безучастную дочь.– По закону. Всего десять процентов…

И вот последняя остановка. Погранзастава.

Потерпевший вполголоса договаривается с водителем и торопливо передает из рук в руки белый марлевый пояс.

Водитель запирает его в один из многих черных ящичков своей кабины и укоризненно говорит:

– Сразу б так надо было.

Перед шлагбаумом два—обогнавшие нас—автобуса в редком оцеплении грузинских пограничников, а метров через двести другой шлагбаум и мачта с другим трехцветным флагом.

Опять ждать.

Крепыш жалуется на резь в груди и достает ещё сигарету. Я выхожу из автобуса.

Спрятаться некуда. Хилые метроворостые сосенки на обочине не дают настоящей тени.

Выходят и другие пассажиры.

Нас тоже берут в оцепление, покуда закончат проверку передних автобусов и приступят к нашему.

Вдруг в нашем автобусе что-то случилось.

Шум, галдеж, крики о помощи.

Трое парней-пограничников неуклюже бегут туда, побряцывая амуницией, затем, закинув пошарпанные “калаши” за спину, они вытаскивают из автобуса—за руки и ноги—человека в белой майке и спортивных штанах, неловко хряснув его, на выходе, затылком о нижнюю ступеньку.

Его укладывают на жухлую ломкую траву возле сосенки.

Выбежавшие из автобуса люди толпятся плотным кольцом вокруг, выкрикивают советы, льют на него воду, женщины держат за руки его дочь, которая пыталась склониться над ним, но потом подпрыгнула на молодых мускулистых ногах, мелькнувших в разрезы платья, и каблуками ударила в землю, с истошным криком:

– Сделайте что-нибудь!

К творящейся сумятице неслышно подъезжает белый автомобиль с эмблемами какой-то международной организации на дверцах, из которого насторожено выходит человек в очках, джинсах и длиннополой Т-майке.

Он обходит вокруг галдящего кольца людей, оценивая ситуацию, протискивается к лежащему, опускается на колени около его головы и трогает пальцами лицо.

– Я – доктор,– с непонятным акцентом произносит он.

От погранзаставы подбегает толстый лысый майор и, мигом все сообразив, кричит доктору:

– Увози его дальше!

Тот подает машину. Пограничники загружают тело через заднюю дверцу фургона.

Доктор говорит, что нужно сопровождающих.

Все оборачиваются к дочери.

Та испуганно отшатывается и пятится.

Немая сцена. Желающих нет.

Ну, а мне терять нечего, кроме надоевшего ожидания.

Молча подхожу и сажусь в машину на длинное сиденье вдоль боковой стенки, рядом с распластавшимся на полу телом.

Доктор медлит – надо ещё одного, но майор кричит, чтоб увозил немедленно.

Машина начинает двигаться и тут из кольца пассажиров, с криком: "Я тоже еду!", вырвался невысокий мужчина лет тридцати – черноволосый, с усами – и запрыгнул в машину почти на ходу.

Машина тоже делает прыжок, мгновенно оказавшись у армянского шлагбаума, где нас пропустили лишь заглянув в окно и услыхав надрывное пояснение моего напарника, что тут человек умирает.

Доктор объясняет нам как делается искусственное дыхание: зажать ему нос, покрыть рот платком и вдохнуть туда воздух, потом пять резких нажатий на грудь.

Докончив инструктаж, он резко газует и машина летит к далекому городу, что виднеется на дальнем краю широко раскинувшейся долины, и доктор объясняет кому-то по рации, что везет пострадавшего в больницу ближайшего города – Калинино.

С противоположной стенки срывается пристёгнутое к ней сиденье, чтобы резко обрушиться на тело.

Я сползаю на пол резко дёргающийся в бешеной скачке, поднимаю и закрепляю гильотину-сиденье обратно.

Это ж надо как все ополчилось на беднягу сегодня! Явно не его день.

Он лежит на полу, раскинув чуть поджатые ноги в спортивных штанах, с закрытыми глазами, в белой—промоченной, запятнанной—майке.

Делать ему дыхание выше моих сил. Передаю напарнику свой носовой платок, как бы откупаясь, а сам начинаю выполнять нажатия на безучастно податливую, словно бастурма, плоть его грудной клетки и, оскалясь, выкрикиваю: "раз! два! три! четыре! пять!"; сдерживая подступающую тошноту.

Доктор удивленно оглядывается на такой полуистерический счёт.

За этим занятием – напарник дует, я давлю – влетаем в Калинино.

И тут напарник закричал, что у того вода пошла через нос.

Действительно, через округлые ноздри с прилипшими с внутренней стороны крыльев носа белесыми комочками соплей стали вырываться мелкие водяные брызги.

Напарник всё кричал, что он не может больше, что его тошнит; а доктор требовал не прекращать, он не знаком с городом и ему надо спрашивать у прохожих.

И тогда я сказал себе: ты, падла, ничем не лучше этого парня; он честно отработал свое, а платочком ты не откупишься, так что давай – работай.

Хватаясь за сиденье, что тарабанило ножками в пол, подскакивая на всех ухабах, мы с напарником поменялись местами: теперь он надавливал, а я зажимал скользкий неподатливый нос, откуда булькали брызги, и вдувал—сколько мог—воздух через помокрелый платок, стараясь не думать что там под ним и сколько я ещё продержусь, пока начну блевать.

Так мы подлетели к приемному покою городской больницы и я с облегчением проревел головам в белых шапочках, что высунулись из окно на шум:

– Носилки давай!

Мы перегрузили его на носилки и занесли внутрь, и поставили на плиточки пола под раскрытым окном.

Местный врач приложил свои пальцы к его сонной артерии, приподнял зажмуренное веко и сказал, что это покойник.

Мы с напарником вышли на крыльцо.

Он пересек подъездную дорожку и, сев под дерево фруктового сада на круто уходящем вниз склоне, обхватил голову руками.

Надо отвлечь парня от ненужных дум. Я присел рядом:

– Тебя как зовут?
– Сергей,– сказал он.– А тебя?
– Сергей.

Глава седьмая

Когда самая старшая из моих дочерей была ещё студенткой швейного училища, то как-то вечером она сказала мне—совсем нежданно и с каким-то даже вызовом:

– А расскажи мне какой-нибудь ужас.

– На ночь глядя?

– Ничего, я уже взрослая.

– Ну, раз так – держись, то есть слушай.

В один из дней случилось так, что я переплюнул самого Аркадия Гайдара.

В трамвае.

У этого знаменитого писателя есть рассказ «Чук и Гек», в котором он даёт определение “счастья”. Мол, счастья это такая штука, которую каждый понимает по-своему.

Вобщем – расплывчатая мазня.

Так вот, в том самом трамвае у меня вдруг сложилось четкое определение: счастье – это когда прижмёшься лицом к беременному животу любимой женщины, а тебя изнутри двинут пяткой по носу.

О, какой я был довольный, что превзошел кумира пионерии!

А потом приехал домой, раскрыл *MORNING STAR*—газету британских коммунистов—и прочитал статью, что в одной латиноамериканской стране, на свалке, обнаружили труп беременной женщины, у которой был вспорот живот и вырван плод, а вместо него засунута отрезанная голова ее мужа.

Лицо дочери исказилось каким-то странным подергиванием, она растерянно сказала:

– Это – люди? Звери!

– Не оскорбляй зверей, пожалуйста,– заступился я.– Они убивают по необходимости, чтоб выжить. Им не хватает ума додуматься до

пыток, истязаний, палаческих мучительств.

Вот до чего самоуверенным нравоучителем был я в те недостижимо невозвратные время.

Течение последущей жизни порядком меня образумило, сгладило заносчивость позиций.

Мне было напомнено, что лиса может не сразу съесть пойманного зайца, но неспешно вспарывать ему шкуру и наслаждаться тонким визгом окровавленной жертвы.

Ну, а что делают садисты кошачьего племени с пойманной мышью?

Так что теперь я готов принести публичные извинения и покаянно заявляю: звери ничем не лучше людей. И те, и те – часть природы.

А с природой спорить бесполезно. С природой надо жить дружно.

Она может скрасить мое ожидание момента, в котором заканчивается отмерянный мне отрезок течения речки, ни в которую, ни из которой нельзя войти или выйти дважды...

На этот раз природа проявила благосклонность и я дожидаюсь нашего автобуса не на солнцепеке, а во фруктовоим саду калининской горбольницы и отвлекаю разговорами Сергея, который бежал из Баку после сумгаитской резни, а потом подымал из руин разрушенный землетрясением Спитак и мёрз в окопах на постах в Красносельском районе

Он ответно интересуется моими обстоятельствами:

– Ты давно тут?

– С 87-го.

Его удивляет, почему я не покинул Карабах во время войны, ведь у меня не местная национальность.

– Мне один мусульманин отсоветовал уезжать,– объясняю я.

– Какой ещё мусульманин?

– Абу-аль-Ала. Арабский мудрец. Он говорил: если знаешь, что в каком-то месте чума – не ходи туда, там можешь заразиться. Ну, а

если все-таки туда попал, то не выходи – ты можешь разнести заразу.

– А как ты вообще оказался в Карабахе?

– Меня ялдаш Наджафов послал, из Баку.

Час от часу не легче! Собеседнику явно не по душе такое обилие порочащих меня связей: мусульманин-араб, коммунист-азербайджанец.

Но тот факт, что мы с ним надували один и тот же труп, чем-то роднит нас и заставляет проявлять терпимость.

– Наджафов – это кто?

– Начальник отдела кадров министерства просвещения Азербайджана.

В 87-м он мне сказал: "..мы хотели вас послать в саатлинский район, но пошлём в Карабах, потому что там армяне знают русский язык, вам там будет легче."

Сергей соглашается, что ялдаш Наджафову не откажешь в логике и сообщает, что Саатлы – жуткое место: песок да комары.

Приехал наш автобус, но снова надо ждать – мы должны дать письменные показания, а следователя пока нет.

Женщины из близстоящего дома выносят подносы с чашками кофе.

Пассажиры и водители пьют стоя и уже рождается эпос-фольклор про бедного беженца из Баку, который в суровых сибирских условиях неустанным трудом заработал 20 тыс. долларов и ехал в Ереван купить квартиру, но скончался за двести метров от шлагбаума родины, не пережив потери 2 тысяч.

Когда кофе был выпит, приехали родственники покойного и увезли его дочь, оставив самого дожидаться в местном морге.

Потом пришел высокий и кудрявый следователь и отвел нас в прокуратуру, где старательно дышал через нос, пока мы писали свои

показания.

Уже под вечер мы выехали из Калинино, и тут же встретили машину с родственниками и дочерью покойного.

Дживан выбежал на шоссе с белым марлевым поясом в руках и был восторженно расцелован девушкой, забывшей уже всякую суровость.

– Быстро замуж выйдет,– умиленно спрогнозировали наблюдавшие через окно пассажирки.– И деньги есть, и родственники.

В потёмках мы прибываем в Степанаван, где живут водители нашего автобуса и где мы расстаемся со старшим из них:

"Ара! Я такого рейса ещё не видел!"

Дальше нас повезут Самвел и Дживан, которому сейчас жена принесла несколькомесячного сына в белом чепчике и ползунках.

Тот сидит у папы на руках, уцепившись за черную баранку руля, а Дживан счастливо улыбается – сынок тоже шофёром будет!.

И опять мы едем сквозь ночь, разные, посторонние друг другу люди, но этот невиданный рейс (а может и всякий совместный путь) делает нас своими.

Мы стали частью новой общности людей – гражданами нашего автобуса.

Нам жаль расставаться с парой старичков, которых заждались родственники на одной из дорожных развилок, и с ворчливой владелицей телевизора, и со всеми, кому раньше сходить.

Мы не знаем друг друга, но мы свои.

Сергей подсаживается расспросить: куда я в Ереване?

На автовокзал.

Но он не работает ночью.

Дождусь утра.

А родственников нет?

Есть, но не стучаться же к ним в час ночи.

Автобус останавливается напротив ереванского автовокзала. Сойдя первым, я бреду к его стеклянному терему.

Дверь, конечно же, заперта.

Укладываюсь на широком бордюрном камне газона, подложив сумку под голову.

Невысокая фигура поспешно приближается к входной двери. Дергает понапрасну. Сергей?

Да, кажется, он.

Он зовет:

– Сергей!

Я, не вставая, откликаюсь.

Он быстро подходит и сбивчиво начинает убеждать, что тут вредно, опасно, а у него есть знакомые родственников в городе, или родственники знакомых.

Я прикидываюсь обиженным: неужто он думает, что мои родственники не такие же люди как его родственники?

Мы ещё раз прощаемся и он уходит.

Опять какая-то фигура, белея рубахой в темноте, дергает входную дверь автовокзала, а потом безошибочно направляется к месту моей лежки. Самвел!

– Ты чего тут?– спрашивает он.

– Там заперто,– отвечаю я.

– Пускают ночевать за 500 драм. У тебя есть?

– Есть. Но все равно заперто.

Он возвращается к двери, стучит, тормошит ее, зовёт кого-то.

Нет ответа.

Оставив дверь в покое, Самвел заходит с фланга и скрывается за угол здания.

Через минуту-другую он возвращается, а в сумеречном тереме автовокзала чувствуется какое-то шевеление.

Самвел зовет меня ко входу.

Дверь отворяет заспанный мужик. Самвел указывает ему на меня – вот этот.

– Спасибо, Само,– говорю я.

Он лишь отмахивается и бежит к дороге, где дожидается наш автобус с остатком пассажиров, которых надо развезти в другие районы Еревана, а потом ехать в Степанаван...

Я лежу на твердом диване застланном серым армейским одеялом типа тех, что раздает международная гуманитарная помощь.

Диван, предоставленный мне до утра за 500 драм, стоит в комнате отдыха шофёров.

Пара молчаливых сторожей потушили тут свет и улеглись в смежной комнате.

Чувствую, что меня вот-вот тихо подхватит течение сна и, уже уплывая, думаю напоследок: ну, кто я такой Сергею, Самвелу?

Мало их намучила дорога, чтоб ещё заботиться о ком-то, кого уже никогда не увидят, от кого никакого прибытка?..

А гляди-ко, хлопочут...

Все-таки люди...

...в конце концов...

...неплохие...

... люди...

...когда люди...

(июнь – июль 1998 г.)

Сергей Огольцов
обратный
путь
из
невозвратного
16+